

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж86

Разработка серийного оформления *В. Терещенко*

Жукова-Гладкова, Мария.

Ж86 Лесные невесты : [роман] / Мария Жукова-Гладкова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детектив тайных страстей).

ISBN 978-5-04-100555-9

Реалити-шоу, в котором готовы побороться за жениха шесть известных женщин. Но героя убивают в первую же ночь — и делают это тремя разными способами. Кто совершил убийство? Неужели три разных человека или одна «невеста» устроила жуткий перформанс? Администратор базы Людмила берет расследование в свои руки. Действовать нужно быстро, пока не появился еще один труп. Ведь помощь придет еще нескоро...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100555-9

© Жукова-Гладкова М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Защитникам парка Интернационалистов
от застройки посвящается*

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Пролог

За 15 лет до описываемых событий

Женька умирала. Нас с ее парнем пустили в реанимацию, потому что всем все было понятно. Не знаю, можно было бы спасти Женьку, если бы она оказалась не в сельской больнице, а в дорогой городской клинике с самым современным оборудованием. Мне казалось, что Женька сама не хочет жить после случившегося. Насильники сбежали, и навряд ли их будут искать с большим рвением. Это была «золотая» молодежь, которая успела прославиться в нашем районе своими кутежами. Они здесь многих достали. Но ни жители окрестных деревень, ни мы, детдомовские, ничего не могли сделать. Имен и тем более фамилий насильников Женька не знала, они называли друг друга странными прозвищами, но она запомнила много деталей и теперь спешила рассказать их нам.

Следовательно она ничего из этого не сказала, она только просила позвать нас. Нам по ее просьбе позвонила нянечка. Мы примчались, нас пустили — и Женька говорила и говорила, слабея с каждой минутой. Но она держалась, чтобы успеть сказать все. И она просила нас не пороть горячку, а отомстить только тогда, когда мы станем сильными, взрослыми и богатыми — то есть такими людьми, с которыми считаются. Женька не хотела, чтобы мы как-то пострадали. Мы должны быть осторожными. Мы долж-

ны подождать. Пусть придется ждать долго, но это лучше, чем пострадать. Она сказала, что будет помогать нам *оттуда*, будет молиться за нас *там*. Просила похоронить ее рядом с бабушкой. Мы обещали назвать наших детей Женьками, ведь это имя подходит и мальчику, и девочке.

Она умерла, держа нас за руки, одна ее рука лежала в моей, вторая — в руке ее парня, с которым у них была первая любовь. До секса у них еще не дошло! Он относился к ней трепетно. Был только первый поцелуй. И мы были еще совсем юными. А эти сволочи... Я точно помню минуту, даже секунду, когда Женькина душа отделилась от тела. Я это видела или, скорее, почувствовала.

Тот проклятый дом мы все-таки сожгли. Причем показал нам путь один из охранников — и мы проскочили не замеченными ни людьми, ни камерами. Охранник был деревенским мужиком, знал о происходящем в «элитном поселке» и не представлял, как с этим бороться.

На Женькины похороны пришел весь наш детский дом, было много деревенских, приехал какой-то мужик из районной администрации, говорил правильные слова. Но насильников так и не наказали. Их просто не искали, хотя знали, из какой они компании. Сотрудников правоохранительных органов тоже можно было понять просто по-человечески. Ведь они знали, что даже если дело и откроют, то быстро закроют то ли из-за отсутствия состава преступления, то ли доказательств, то ли еще на каком-нибудь основании; свидетели, если такие вообще найдутся, откажутся от своих показаний. Да еще и особо рьяные или честные сотрудники могут получить по шапке. Кому нужна лишняя головная боль?

Оказалось — нужна. Только, конечно, не головная боль. Мечь.

Глава 1

Можно сказать, что я за один день лишилась и мужа, и работы. Вообще-то я оптимистка, и мой девиз: «Все, что случается, — к лучшему». В конечном счете так и оказалось, но в те дни мне было паршиво.

С мужем мы прожили почти пять лет, первые два года из них были самыми счастливыми в моей жизни. А за свои нынешние тридцать плюс один я натерпелась немало. Первые четыре с половиной года, пока я еще была личностью бессознательной (или мало сознающей), я прожила с мамой и бабушкой, причем, когда мне было два с половиной года, появился братик. Естественно, я ревновала. Я даже сейчас помню, как ревновала и как ревела, оттого что внимание мамы и бабушки переключилось на братика. Мать с отцом разбежались, когда мне не исполнилось и года, и он не бывал даже наездами, то есть отца в своем детстве я не помню. Я с ним познакомилась уже взрослой. Я не знаю, от кого мать родила брата. Какой-то мужик к нам приходил, но на ней не женился. Его я не помню вообще.

Когда мне было четыре с половиной года, а брату два, мать забеременела снова, и что-то пошло не так. Я помню, как они скандалили с бабушкой. В результате мать повесилась. Бабушка отдала меня в детский дом, потому что, как она сказала, ей нас двоих с братом не потянуть. Потом я узнала от тетки Марфы, что

отец братика регулярно давал деньги, а мой не давал, потому что был уверен, что мать с бабушкой потратят их не на меня, а на себя, и вообще он не хотел видеть ни ту ни другую. Расписаны мать с отцом не были, хотя меня отец признал.

Я попала не в городской детский дом, а в поселковый. Как я понимаю, бабушка попыталась для начала всучить меня тетке Марфе. И ведь нашла же ее! Наверное, они обе приняли решение отдать меня в детский дом неподалеку от тетки Марфы. Вообще-то тетка Марфа мне совсем не тетка, а вроде бы троюродная бабушка. Она была двоюродной сестрой матери моего отца. Бабушка и дедушка со стороны отца умерли до моего рождения, с его стороны имелась только тетка Марфа, которая замужем никогда не была и к моменту нашего с ней знакомства в одиночестве проживала в доме своих родителей в одной из деревень на севере Ленинградской области. Насколько я понимаю, она привыкла к одиночеству и совсем не хотела брать на себя заботу о маленьком активном ребенке. Правда, потом она стала брать меня на часть лета, но из корыстных соображений — ей стало тяжело работать в огороде.

В нашем детдоме почти не было круглых сирот. У многих родители находились в местах не столь отдаленных и писали детям слезливые письма. Правда, при выходе на свободу не очень спешили забрать своих чад и часто снова оказывались за решеткой, ни разу не повидав ребенка. Ну, не успевали! Также у многих имелись какие-то дальние родственники в округе — как у меня тетка Марфа. Родственники иногда приезжали и всегда брали детей в помощь на сельскохозяйственные работы. Руководство детского дома нас отпускало. Над некоторыми брали опеку, и они перебирались на постоянное место жительства в деревенские дома. И опять же люди брали детей из

нашего детского дома не потому, что хотели ребенка, а потому, что требовались рабочие руки, а собственные дети уже выросли и уехали в город. Многим из этих детей после трудового детства даже не хотелось навещать приемных родителей.

Где мне было лучше — в детском доме или у тетки Марфы? И там, и там были свои плюсы и свои минусы. Из-за того, что детский дом находился в поселке, а не в большом городе, у нас никого и никогда не сдавали в аренду педофилам. И в нашем детском доме не было педофилов. Если бы что-то подобное случилось, это обязательно дошло бы до деревенских — как родственников, так и не родственников, а уж деревенские такое обращение с детьми не спустили бы. Устроили бы самосуд. Уже став взрослой, я встречалась с другими детдомовцами, читала статьи, смотрела передачи и приходила в ужас. Официально наш детдом не считался образцовым, но теперь, по прошествии многих лет, я могу сказать, что он был таким для детей. Хотя, конечно, мы все мечтали о маме и папе. О том, что нас заберут домой, мы будем жить в настоящей семье...

Моей семьей стали мои друзья, и я знала, что они всегда придут мне на помощь, как и я им. Еще меня очень любила наша повариха тетя Оля. Я была тощей. У меня всегда был прекрасный аппетит (хотя в детдоме у всех прекрасный аппетит), но никакие булочки у меня на боках и животе не откладывались. А тете Оле всегда хотелось меня накормить.

— Людка, ну ты же просто просвечиваешь насквозь! Живот к спине прилипает! Ну что ж это такое? Приедет комиссия, на тебя посмотрят и решат, что мы вас тут голодом морим!

Тетя Оля научила меня готовить, потом еще учила тетка Марфа, но тетка Марфа в основном учила варить варенье и закатывать соленья, которые остава-

лись у нее в доме. И та и другая также хорошо вдобили мне в голову мысль, что нужно учиться дальше, получать высшее образование, причем такое, которое пригодится во все времена. У меня хорошо шла математика, и я в результате решила учиться на бухгалтера.

Также определенную роль в моем становлении сыграл наш физкультурник Валера, который вел еще и лыжную секцию. По отчеству его называли редко. Он вел себя даже с нами как мальчишка! Да и выглядел он всегда очень молодо. Никакой чемпионкой я не стала, но получила неплохую физическую подготовку и закалку. Валера ходил с нами в походы, учил разжигать костер подручными средствами и просто выживать в лесу. Под его руководством мы собирали грибы и ягоды, с которыми тетя Оля потом пекла вкуснейшие пироги. Благодаря Валерию Павловичу мы знали названия всех цветов, трав, деревьев и кустарников, произрастающих в нашей местности.

С отцом я познакомилась, когда мне было четырнадцать лет. Он приехал навестить тетку Марфу, я как раз была у нее на летних сельхозработах. Отец пробыл два дня и снова исчез. В следующий раз мы встретились, когда мне было шестнадцать.

— Людка, я о тебе всегда помню, — сказал отец. — Детей у меня, кроме тебя, нет и, наверное, уже не будет. Если возникнут на самом деле серьезные проблемы, я тебе помогу.

Но я ему не поверила. Я рано поняла, что в жизни можно рассчитывать только на себя, ну и еще на своих друзей по детдому. Но не на ту семью, которая у меня была. То есть семьи-то у меня никогда не было. Были родственники. А семья и родственники — это две большие разницы.

После выпуска из детдома полагается жилье. Но тех, у кого жилье уже есть, направляют в него. Ока-

залось, что я так и была прописана в двухкомнатной квартире, где родилась, и бабушка ее приватизировала на себя, брата и меня. Исключить меня при приватизации было нельзя и выписать меня тоже было нельзя. Зачем государству тратиться на комнату детдомовке, если она у нее есть? Но государство выделило мне бесплатного адвоката, в суде выступала директриса нашего детского дома, соседи бабушки и брата, которые их терпеть не могли и помнили историю моей матери. Соседи считали, что бабушка довела мать до самоубийства из-за того, что она опять забеременела без мужа. Бабушка имела склочный характер, брат был наглецом и хамом — в общем, соседи были рады сделать им ответную гадость. Одна комната в двухкомнатной квартире была площадью двадцать метров, вторая — двенадцать. Вот эту комнату по суду выделили мне, разделили лицевой счет, адвокат объяснил, что если я соберусь комнату продавать (а я собиралась, чтобы купить в другом месте), то я должна в первую очередь предложить купить эту комнату проживающим в квартире. То есть бабушке и брату.

Как они скандалили! Как меня поносили! То есть отдать меня в детский дом и оставить брата было нормальным, а выделить мне причитающуюся мне жилплощадь — ненормальным. Это была их квартира! В общем, я продала свое жилье узбеку, ставшему гражданином Российской Федерации, который вселился в комнату с членами своей семьи.

Я же купила комнату в другой двухкомнатной квартире, где жили две сестры-старушки. До меня там сменилось несколько молодых парней, которые вели разгульный образ жизни, водили друзей и девушек толпами, полы не мыли, ванну не мыли, не говоря про раковины и туалет. Я показала этим старушкам подарком судьбы. Впрочем, и они мне. Они

меня многому научили. А я хотела получать знания, откуда только можно — и впитывала их как губка.

Я устроилась в спортклуб уборщицей по протекции нашего физкультурника Валеры, у которого там работали знакомые, вечером училась. Мне также разрешалось заниматься на тренажерах и плавать в бассейне в определенные часы, когда в клубе мало или совсем нет посетителей, чем я и пользовалась. Жизнь была напряженной. Но я была молодой, здоровой и сильной и очень хотела пробиться в жизни.

Старушки умерли одна за другой с разницей в полгода и завещали свою комнату мне. Так я стала хозяйкой двухкомнатной квартиры. Потом умерла тетка Марфа и тоже оставила дом мне, взяв с меня обещание не продавать его никогда и ни при каких обстоятельствах. Она повторяла мне это каждый раз, когда я, уже начав новую жизнь в Петербурге, приезжала летом ее навестить.

— Я серьезно, Людка, — сказала тетка Марфа, когда я в последний раз видела ее живой. — Если продашь, тебе не поздоровится.

— Почему?!

— Из-за твоего папаши, будь он неладен.

— Так завещайте дом ему.

— Тогда его могут конфисковать, если он еще раз в тюрьму загремит.

— Теперь вроде не конфискуют... — задумчиво произнесла я. — И он же не чиновник, у которых находят по двадцать дорогих часов, пачки долларов, евро и рублей, антиквариат, драгоценности...

— Людка, замолчи! — рявкнула тетка Марфа и схватилась за сердце.

— Отец здесь наворованное хранит? — спросила я и подумала, что меня в свое время тетка Марфа могла не взять именно по этой причине. Мало ли куда залезет любопытная девчонка.

— Я не знаю, что и где он хранит и хранил, — сказала тетка Марфа. — Меньше знаешь — спокойнее спишь. И твой отец всегда знал, что я никуда не поеду. В общем — дом твой, но продавать его нельзя. Но хотя бы приезжай иногда. Лучше бы, конечно, чтобы ты тут жила...

— Это невозможно, — резко ответила я. — Я учусь и работаю. Столько времени на дорогу я тратить не могу и не хочу.

После смерти тетки я во время своих нечастых наездов разбирала ее вещи. Запасливая была женщина! Но для кого это все хранилось? Поскольку я свою взрослую жизнь начинала фактически с нуля, я перевезла в городскую квартиру часть посуды, занавески, постельное белье. У тетки Марфы в запасах лежало белье в нераскрытых упаковках! Я нашла новые скатерти, салфетки, отрезки различных тканей. Целое богатство! Все это мне было очень кстати. Можно сказать, что я благодаря этим запасам полностью «укомплектовала» свое городское жилье.

Никаких тайников и сундуков с сокровищами я не нашла. Найденное было богатством для меня, детдомовской девчонки, но не богатством в традиционном смысле. Никакого сундука с сокровищами! Даже пачек долларов и евро не было. Рубли нашла, но явно не отцовские, а теткин, припрятанные «на черный день». Или папа так прятал, что я найти не в состоянии?

После окончания института я прекратила работать уборщицей и стала заниматься только бухгалтерией. Через пару лет мне предложили хорошее место в фирме, производившей стальные двери и замки к ним. Я подхалтуривала еще в паре небольших фирмочек и занята была с утра до ночи.

А потом случилась любовь. И директор этого самого предприятия, производившего двери и замки,